

Орнитологическая метафора как средство создания зримого образа в поэтической баталистике начала XIX в.

Ксения Алексеевна Поташова, Московский государственный областной педагогический университет (Россия, Москва), ka.potashova@mgou.ru

DOI: 10.31857/S0131611724060071

АННОТАЦИЯ: Целью исследования является выявление смысловой составляющей орнитологической метафоры в словесной баталистике конца XVIII — начала XIX в. Для достижения поставленной цели в статье определяются источники художественной образности батальной поэзии, на материале «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» раскрываются поэтические механизмы создания объемного образа, обладающего высокой силой воздействия. Установлено, что орнитологическая метафора, образующая особо значимый пласт метафорики «Собрания...», функционирует как устойчивая номинация для представления оппозиции «воин — враг», как образ-замена для создания батальных картин и как образ-эмблема, наделяющая поэтический текст через визуальную символику дополнительными смыслами. В статье проводится сопоставление тенденций использования и особенностей конструирования орнитологической метафоры в былинах, исторических песнях, древнерусской воинской повести с батальной поэзией М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, поэтов-очевидцев событий Отечественной войны. В результате проведенного исследования доказано, что орнитологическая метафора

в качестве инструмента визуально ориентированного воздействия прошла путь от традиционно закреплённой семантики к индивидуальным контекстуальным смыслам, сохранив при этом свои основные, ядерные значения — создание образа воина, врага, сражения, победы. Утверждается, что словесная баталистика 1810-х гг., развивающаяся в свете смены художественных парадигм, была ориентирована на трансформацию изобразительной системы, постепенный отказ от аллегорических картин в пользу онтологически наполненного образа. В поэзии периода Отечественной войны 1812 г. выявлен процесс индивидуализации метафоры, пополнение орнитологических образов дополнительными символическими оттенками и смыслами, коррелирующими со сложившимся во время войны 1812 г. в русском обществе мировоззрением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: баталистика, поэтика визуального образа, орнитологическая метафора, былина, воинская повесть, «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Поташова К. А. Орнитологическая метафора как средство создания зримого образа в поэтической баталистике начала XIX в. // Русская речь. 2024. № 6. С. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724060071.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-2134.2022.2.

The Language of Fiction

Ornithological Metaphor as a Means of Creating a Visible Image in the Poetic Battles of the Early 19th Century

Ksenia A. Potashova, Moscow Regional State Pedagogical University (Moscow, Russia),
ka.potashova@mgou.ru

ABSTRACT: The study's aim is to reveal the semantic component of the ornithological metaphor in the verbal battle poetry of the late 18th — early 19th centuries. In order to achieve the aim the article defines the sources of the artistic imagery of the battle poetry. On the material of the “The Collection of poems related to the unforgettable year 1812” we study the poetic mechanisms of creating a vivid image, which has a high impact. The article reveals that the ornithological metaphor, which forms a particularly significant stratum of “Collected...” metaphors, functions as a stable nomination for presenting the opposition “soldier — enemy”, as an image-replacement for creating battle pictures and as an image-emblem, endowing the poetic text with additional meanings through visual symbolism. The article provides a comparison of usage tendencies and peculiarities of ornithological metaphors construction in byliny, historical songs, ancient Russian war stories, with the battle poetry by Lomonosov, Derzhavin, Zhukovsky, who were the witnesses of the Great Patriotic war events. As a result of the study it is proved that ornithological metaphor as a tool of visually oriented influence has evolved from traditionally fixed semantics to individual contextual meanings, while retaining its basic, nuclear meanings — creating the image of a warrior, enemy, battle or victory. It is argued that verbal battle poetry of the 1810s, which developed in the light of a change of artistic paradigms, was oriented towards a transformation of the representational system, a gradual abandonment of allegorical pictures in favour of an ontologically filled image. In the poetry written during the Patriotic War of 1812 the author reveals the process of individualization of metaphor, enriching ornithological images with additional symbolic connotations and meanings, correlating with the worldview, which took shape in the Russian society during the War of 1812.

KEYWORDS: battalistics, poetics of the visual image, ornithological metaphor, bylina, war story, “Collected Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812”

FOR CITATION: Potashova K. A. Ornithological Metaphor as a Means of Creating a Visible Image in the Poetic Battles of the Early 19th Century. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 6. Pp. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724060071.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Presidential Grants Council of the Russian Federation, project No. MK-2134.2022.2.

Введение

Ведушим и неотъемлемым механизмом визуализации словесного образа является метафора, которая, по определению Цв. Тодорова, и есть средство достижения «зримости речи» [Тодоров 1999: 167]. В работе «Живая метафора» П. Рикёр, выявляя сущность метафоры, рассуждает и точно улавливает ее визуальную природу: «Представлять одну мысль при помощи другой — не значит ли это так или иначе показывать, делать зримой первую ради того, чтобы получить более живое представление о второй?» [Рикёр 1990: 437]. Построение визуально воспринимаемого текста основывается на привлечении для сравнения образов, знакомых человеческому зрению, которые выступают своего рода выражением незримой идеи. Картинность батальной поэзии достигается путем построения целых метафорических рядов, переплетенных между собой и символически выражающих основные для раскрытия военной темы номинации — воин, враг, битва, победа. Одна из наиболее употребительных метафор в словесной баталистике — это орнитологическая метафора, суть которой есть создание образа на основе сравнения с птицей.

Концептуализация образа птицы как основа орнитологической метафоры

Символическая концептуализация образа птицы в аспекте поэтической системы баталистики восходит к русской героической былине, в которой русский богатырь часто назывался «ясным соколом» («ясён сокол <...> богатырь святорусский», «Соколу будет лететь да на меженный долгий день», «Васенька скакал, аки сокол слетал» [Былины 1957: 126, 150, 159]), подвиг его сопрягался с охотой на птиц («Я подстрелю эту птицу черна ворона» [Былины 1957: 159]), вражеские силы также уподоблялись птицам («А сидит Соловей да на семи дубах, // Свищет-то он по-соловьему» [Былины 1957: 135]). Помимо народной традиции источником орнитологической метафорики является Библия, использующая образ птицы во всей его глубине и многогранности — как символ нравственной силы («А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» Ис. 40:31), свободы («Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их» Лк. 12:24), верности («Твоею ли мудростью летает ястреб и направляет крылья свои на полдень?» Иов 39:26).

Древнерусская словесность совместила в орнитологической метафоре два обозначенных выше аспекта, что как качественную особенность поэтики древнерусского повествования подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц:

«Употребление этих образов говорит о том, что источником их была то устная традиция, то библейско-византийская литература» [Адрианова-Перетц 1947: 83]. Так, в «Задонщине» посредством орнитологической метафоры созданы яркие зримые картины самой битвы, а также предшествующих и последующих событий, связанных с ней. Образ птицы оказывается наиболее частым сравнением, применяемым по отношению к русскому воинству. Орнитологическая метафора с этим значением в древнерусском повествовании имеет ярко выраженную визуальную природу. Если в фольклорной традиции орнитологическая номинация — это знак, собирательное именование молодечества, ума, красоты, удали и других положительных качеств героя-молодца, а «выражение побед, мотив непобедимости богатыря» [Киселева, Поташова 2022б: 278] угадываются лишь подспудно, то в древнерусском повествовании в основе метафоры лежит конкретное свойство, которое обуславливает уподобление птице. Количество орнитонимов в древнерусской воинской повести расширяется, а само их значение приобретает символический характер, в качестве устойчивой метафоры утверждается параллель «воин — птица» (примечательно, что сравнения с птицей удостоивается не каждый воин, а чаще князь, ведущий свое войско, или княжеская дружина). Само же уподобление имеет ярко выраженную визуальную природу: «И тогда аки соколы борзо полѣтъша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтъша: по-скакивает князь великий Дмитрий Иванович с своими полки за Дон со всею силою»; «Ци буря соколи зонесет из земля Залѣския в полѣ Половецкое!»; «А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиц ис камена града Москвы» [Лихачев и др. (ред.) 1999: 114, 106, 108]. Конструкции с таким уподоблением имеют более сложную, развернутую структуру. Ядром выступает глагол со значением движения, причем «уподобление человека птице встречаются в основном в сочетаниях с глаголами лететь» [Кожевникова, Петрова 2000: 23], стремительность как качество движения хищной птицы выполняет здесь функцию «признакового пространства» [Ортони 1990: 224] для рождения метафоры. Языковыми показателями уподобления в этих метафорах выступает сравнительный союз «аки», а также наречия и прилагательные, качественно характеризующие действия. Тем самым формируется цельная картина, сопряженная с метафоризацией, придающая повествованию эмоционально-экспрессивное начало, создается эффект зримости образа и ораторского звучания.

Опыт древнерусской словесности в использовании орнитологической метафоры был усвоен и продолжен батальной одой классицизма. М. В. Ломоносов в «Оде блаженные памяти Государыне Императрице

Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года» посредством орнитонима *орел* представляет русского воина («Но чтоб *орлов* сдержат полет, // Таких препон на свете нет» [Ломоносов 1959: 20]), полководца («Где только ветры могут дуть, // Доступят там полки *орлины*» [Ломоносов 1959: 20]) или саму Императрицу («Пред Росской так дрожит *Орлицей*, // Стесняет внутрь Хотин своих» [Ломоносов 1959: 27]). Развивая поэтическую систему батального образа, Ломоносов меняет механизм конструирования орнитологической метафоры, поэт отказывается от прежней, традиционной для народно-поэтической и древнерусской словесности, метафоры-сравнения и использует новую, качественно иную метафору — «метафору-загадку» [Падучева 2004: 170], за которой скрыт конкретный, узнаваемый из контекста исторический образ.

Значительно разнообразнее орнитологическая символика у Г. Р. Державина, сложившаяся уже под явным влиянием предстоящей смены художественной парадигмы. В числе многочисленных значений образа птицы, связанных и с райской гармонией, и земной идиллией, обращают на себя внимание сравнения с миром птиц именно в контексте военных событий. Поэт распространяет орнитологическую метафору, привносит в прежнюю констатацию самого образа характерные для той или иной птицы черты. Следствием этого распространения становится превращение скрытой метафоры в явное сравнение, поэт как бы подтверждает суть использованного орнитонима, открывает сам процесс «порождения метафорического выражения» [Падучева 2004: 171]. Орнитологическая метафора у Державина, как и у Ломоносова, требует разгадывания, но отличие ее в предельном разъяснении принципа ее создания самим поэтом, потому метафора приобретает более реалистичное звучание. В оде «Водопад», «прямо и перифрастически» [Святославский 2021: 50] рассказывая о героических деяниях графа Потемкина, Державин с зоркостью хищных птиц сравнивает его воинские качества: «Что *орлю* дерзость, гордость лунну, // У черныхъ и янтарныхъ волнь» [Державин 1864: 468, 469].

С точки зрения использования орнитологической метафоры в батлистике начала XIX в. показательна поэтическая система «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», ярко передающего эмоционально-ассоциативное восприятие «ситуации всенародной войны» [Айзикова 2013: 34]. Количество орнитологических образов и частота их употребления в «Собрании стихотворений...» значительно расширяются в сравнении с образным составом батальной оды XVIII в. и древнерусской повестью. Орел и сокол воплощают героическое русское воинство, образ лебедя связан со старцем-сказителем, прославляющим воинскую победу

(«О старец! Да услышим твой // Днесь голос *лебединый!*»; «Пой, *лебедь!*» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 58]) и выступает своеобразной отсылкой к образу из «Слова о полку Игореве», в аллегорической форме представляющей игру Бояна на струнах.

В поэзии периода Отечественной войны 1812 г. процесс индивидуализации метафоры, пополнение орнитологических образов дополнительными символическими оттенками и смыслами становится еще более заметным. Орнитологическая метафора проходит путь от абстрактных категорий к более индивидуальным выражениям, сохранив при этом свои основные, ядерные значения — создание образа воина и врага.

Эмблематизм и символизм образа орла в русской картине мира

Уподобление русского воинства орлу традиционно для русской картины мира. С древнейших времен орел считался героической птицей, символизирующей силу и могущество, размеры и скорость закрепили за обликом орла образ небесного посланника и воина. В «Собрании стихотворений...» с образом орла связаны две значимые для батальной поэзии 1812 г. картины символического характера — парящий в небе орел и орел сражающийся. Возникшие еще в «Слове о полку Игореве», эти две картины были совмещены («Яко *соколъ* на вѣтрехъ ширяяся, хотя *птицю* въ буйствѣ одолѣти» [Лихачев и др. (ред.) 1997: 262]) и переняты поэзией нового времени в ином, не батальном (Державин: «Гуляють по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вокругъ озеръ; // Надъ ними въ высотѣ ширяется *орель!*» [Державин 1865: 319]) или смежном с батальным образе (Пушкин: «Вознесся памятник. Ширяяся крылами, // Над ним сидит *орел* молодой» [Пушкин 1937: 79]) контексте. В «Собрании стихотворений...» эти картины самостоятельны и исполнены глубокой символики. Приобретая характер формульности, картины с орнитологической метафорой не предназначаются для передачи военной достоверности, их задача — передать «характер и силу переживания, носителем которого является лирический субъект» [Ермоленко 2020: 238].

Первая картина — парящий в небе орел — окрашена налетом романтической таинственности, в «Собрании...» такие сцены представлены не раз: «Тогда на месте сем парил над ним *орел*; // В час сечи роковой над старцем опустился» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 115], «И восседит *орел* полночный на вершине. // Я слышу гласы лир» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 121]. Неизвестным автором, вероятно представляющим воинство, написана ода, обращенная к парящему орлу: «*Орел*, вися над главою // Полков российских, ввысь парит» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 77]. Целый

ряд стихотворений «Собрания...» упоминает русского воина или поэта-наблюдателя, видящего орла, парящего над полем сражения и символизирующего скорую победу: «Се знак: вождь славный под Москвою // Победу дивную свершит» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 77]. Парящий орел выступает и символом уже одержанной победы русского воинства, парящего орла видят после одержанной победы, как то у Жуковского в «Певце во стане русских воинов»: «Лети ко прадедам, *орел*, // Пророком славной мести!» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 50]. Источником появления символически наполненного образа парящего орла послужили библейские представления о Божественном присутствии, покровительстве («Я носил вас как бы на *орлиных* крыльях, и принес вас к Себе» Исх. 19:4) и изображения царственной птицы в приложении к мощи и силе Римской империи («И видел я: вот *орел* летал на крыльях своих и царствовал над землею и над всеми обитателями ее» 3Езд. 11:5). Примечательно, что преобладание в орнитологической метафорике «Собрания...» образа парящего орла имеет и фактические основания. Жуковский к «Певцу во стане русских воинов» дает помету: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда Главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте. Полководец снял перед ним шляпу; войска закричали: ура!» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 50]. Символическая картина парящего в небе орла трактуется как Божественное покровительство русского воинства, скорая победа над неприятелем и освобождение мира от гегемона.

Не менее значимой для поэтической баталистики 1812 г. является и вторая картина — орел сражающийся. В отдельных стихотворениях батальные сцены достигают своей зримости посредством метафорического сражения орла/орлов с другой птицей / целой птичьей стаей. Искони для русской словесности не было характерным изображение кровопролитной битвы, таковых не знал ни фольклор, ни древнерусская воинская повесть, ни баталистика классицизма. Дабы не изображать гибель человека от руки человека, и в былинах, и в воинской повести, и батальной оде прибегали к созданию образа-замены, которым могла быть битва со змеем/змием, драконом, чудовищем, а в анализируемых контекстах — это битва птиц: «*Орел*, врага в когтях сжимая, раздирает, // Прияты раны им сто-кратно отмщевать» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 402].

Номинация «*Орлы Северны*» («слетались *Орлы Северны*», «поднялись *Орлы*, *Орлы Северны*») синонимична характерным для поэзии, посвященной Отечественной войне 1812 г., образам сынов севера («восстать на Севере одинъ» [Державин 1866: 139]) или сынов полночи («сыны полуночи суровой» [Раевский 1967: 53]), связанным «с укреплением российских

рубежей, с героическими подвигами, с исторической памятью» [Киселева, Поташова, 2022а: 91–92]. Север, или полночь, в этих номинациях подчеркивает географическое расположение Российской империи (принадлежность русской земли «к странам Севера, названных “полуночью”» [Киселева, Поташова 2022а: 90] утверждается в «Повести временных лет»). Метафора «Орлы Северны» (не случайно Орлы и определение к ним графически акцентированы в «Собрании...» прописной буквой) еще более уточняет и дополняет символическую наполненность образов «сынов Севера», которые стоят на защите «сильной православной Империи» [Киселева 2012: 184]. Символическая наполненность образа орла не только связана с физической мощью и превосходством русского воина, но и воплощает его моральную высоту, «высокопарным орлом» в бою именуется благоверный князь Дмитрий Донской, именно орел «уподобляется стремлениям истинного христианина» [Адрианова-Перетц 1947: 85]. Эту же мысль проводит и поэт начала XIX в. В. М. Колосов в стихотворении «Песнь богатырям Русским». По отношению к богатырям, наделенным силой Божественного происхождения и являющимся воплощением христианских добродетелей, что ранее уже утвердилось в русской героической былине, применен целый метафорический ряд — «Соколы», «Орлы могучие» и «Герои Севера»: «Соколы, Орлы могучие: // Как снопы, враги попадали. Слава вам, Герои Севера!» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 182]. Традиционное для древнерусской литературы сравнение с орлом, «отчетливо указывающее на русских князей и воинов» [Трофимова 2018: 27], в поэзии 1812 года приобретает характер эмблематичного изображения и наделяет поэтический текст дополнительными смыслами: «Пари ты к небесам, пари, *орел* двуглавый! // И с горней высоты к народам броса взгляд, // Перунами блеснув, вещай им с громкой славой» [Айзикова (гл. ред.) 2015: 198]. Типичной метафорой становится изображение русского воинства в образе могучего «Северного Орла», исполнившего свою миссию воина-освободителя. Отмечается и сила негибаемого русского народа, годами терпевшего лишения и вставшего на защиту своей земли наряду с могучими «Северными Орлами».

Заключение

От фольклора и древнерусской литературы, заложивших основу визуально-символической природы образа птицы, к поэзии начала XIX в. орнитологическая метафора претерпела путь развития от первичной фиксации ассоциативного сходства с птицей до эмблематичного, а позже и символически наполненного образа. Если к наиболее ранним

орнитологическим образам применимо понимание Аристотелем «хорошей метафоры» — «подмеченное сходство» (в данном случае буквальное сравнение с миром птиц), то у Ломоносова эти образы становятся более сложными структурно-семантическими единицами, приобретают характер эмблематизма, становятся совмещающими картинную образность и идейную наполненность знаками, требующими разгадывания. Сконструированное Державиным сравнение, фокусом которого является номинация птицы, приобретает не только зримый, но и картинный характер, поддается разглядыванию как цельный и законченный образ. В классицистический период батальная поэзия ориентировалась на панегирическую традицию, связанную с обращением к античным мифологическим образам, с созданием монументальных изображений боя и грандиозных эпических картин. Баталистика 1810-х гг., развивающаяся в свете смены художественных парадигм, была ориентирована на трансформацию изобразительной системы. Изменения в художественной системе батального образа связаны с постепенным отказом от эмблематики в пользу онтологически наполненного образа, с использованием метафоры в качестве приема «визуально ориентированного воздействия» [Айзикова, Воробьева 2022: 40]. Именно метафора в поэзии периода Отечественной войны 1812 г. явилась инструментом, наиболее полно отвечающим требованиям поэтического языка баталистики, нуждающегося в ясно-наглядности для постижения глубины смысла разворачивающихся событий истории.

Источники

Айзикова И. А. (гл. ред.). Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: Юбилейное издание. М.: Языки славянской культуры, 2015. 640 с.

Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 20.01.2023).

Былины. Сборник / Подг., вступ. ст. Б. Н. Путилов. Л.: Советский писатель, 1957. 495 с.

Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1864–1871. Т. 1. 1864. 812 с.; Т. 2. 1865. 736 с.; Т. 3. 1866. 784 с.

Лихачев Д. С. и др. (ред.). Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–2020. Т. IV (XII век), 1997. 692 с.; Т. VI (XIV — середина XV века), 1999. 588 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М., Л.: АН СССР, 1950–1983. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. М., Л.: АН СССР, 1959, 1279 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. Лицейские стихотворения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 531 с.

Раевский В. Ф. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. 254 с.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.-Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 188 с.

Айзикова И. А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31–41.

Айзикова И. А., Воробьева Т. Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 37–57. DOI: 10.17223/23062061/30/3.

Ермоленко С. И. «Среди военных непогод...»: 1812-й год в творческой судьбе К. Н. Батюшкова // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: Сборник научных статей, Екатеринбург, 13 марта 2020 года. Екатеринбург: [б. и.], 2020. С. 235–243.

Киселева И. А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182–187.

Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022а. Т. 20. № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242.

Киселева И. А., Поташова К. А. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта // Научный диалог. 2022б. Т. 11. № 3. С. 265–283. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283.

Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1. «Птицы». М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.

Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 219–235.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 435–456.

Святославский А. В. Образы природы в русской одической поэзии XVIII — начала XIX вв.: функциональные особенности и значение для литературного процесса //

Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 2. С. 40–61. DOI: 10.22455/2686-7494-2021-3-2-40-61.

Тодоров Цв. Теория символа. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 409 с.

Трофимова Н. В. Орел и змея в русском фольклоре и литературе XII – начала XIX вв. // Семантика народной культуры в литературе: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 15–16 марта 2018 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2018. С. 26–34.

References

- Adrianova-Peretc V. P. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi* [Essays on the poetic style of Ancient Russia]. Moscow–Leningrad, Publ. House and 1st Print. House of the Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1947. 188 p.
- Ajzikova I. A. [Historical-literary significance of “Collection of verses related to unforgettable 1812”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 31–41. (In Russ.)
- Ajzikova I. A., Vorob'eva T. L. [Perception of pictorial text: problematization, actualization, new methodological approaches]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 2022, no. 30, pp. 37–57. (In Russ.)
- Ermlenko S. I. [“Among military bad weather...”: 1812 year in the creativedestiny of K. N. Batyushkov]. *Velikii podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii: Sbornik nauchnykh statei. Ekaterinburg, 13 marta 2020 goda* [The great feat of the people to defend the Fatherland: milestones of history: Collection of scientificarticles, Yekaterinburg, March 13, 2020]. Ekaterinburg, 2020, pp. 235–243. (In Russ.)
- Kiseleva I. A. [The role of the patriotic war of 1812 in moulding the imperial moods among the russian society of the first third of the 19th century: to the question of Lermontov's patriotism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 182–187. (In Russ.)
- Kiseleva I. A., Potashova K. A. [The origins and figurative embodiment of the Mikhail Lermontov's imperial consciousness]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2022a, vol. 20, no. 3, pp. 87–100. (In Russ.)
- Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Lermontov's sketch “Russia has no. past...” in context of “eastern question”: to problem of poet's artistic historiosophy]. *Nauchnyi dialog*, 2022b, vol. 11, no. 3, pp. 265–283. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv. Vyp. 1. “Ptitsy”* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th – 20th centuries. Iss. 1: “Birds”]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000. 480 p.
- Ortoni E. [The role of similarity in likeness and metaphor]. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 219–235. (In Russ.)

- Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary] Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 608 p.
- Rikyor P. [A living metaphor]. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 435–456. (In Russ.)
- Svyatoslavskii A. V. [Nature images in russian odic poetry of the 18th – early 19th centuries: functional role and influence on the further literary process]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 40–61. (In Russ.)
- Todorov Cv. *Teoriya simvola* [Symbol theory]. Moscow, Dom Intellekturnoi Knigi Publ., 1999. 409 p.
- Trofimova N. V. [An eagle and a serpent in russian folklore and literature of the 12th – the beginning of the 19th century]. *Semantika narodnoi kul'tury v literature: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Moskva, 15–16 marta 2018 goda* [Semantics of folk culture in literature: Proceed. of the International scientific and practical conference, Moscow, March 15–16, 2018]. Moscow, Moscow Pedagogical State Univ. Publ., 2018, pp. 26–34. (In Russ.)